

ОБРАЗ-МОТИВ ДОМА В КНИГЕ В.П. АСТАФЬЕВА «ЗАТЕСИ»

Мазурова Н.А.¹, Бахор Т.А.¹, Зырянова О.Н.¹

¹*Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета, Лесосибирск, Россия (662543, Красноярский край, г. Лесосибирск, ул. Победы, 42), e-mail: nadezhda.mazurova.59@mail.ru*

В статье раскрываются различные аспекты воплощенного в книге В.П. Астафьева образа-мотива дома, который соотносится писателем с такими категориями, как семья, род, преемственность, традиция. Проблемы сохранения дома рассматриваются в контексте проблем взаимоотношения человека и природы, детей и родителей. В «Затесях» преобладает образ антидома, свидетельствующий о глубокой тревоге автора за будущее России. В.П. Астафьев показывает, как утопические идеи дома-коммуны дискредитировали себя и в конце XX века выродились в дом-общежитие, дом-барак, «временное жилище». В начавшемся еще в начале XX века разрушении дома В.П. Астафьев видит причины социального и метафизического сиротства: дом перестал выполнять свою главную функцию - защищать человека от внешнего страшного, хаотичного мира, усиливая нравственную деградацию личности.

Ключевые слова: В.П. Астафьев, образ-мотив, художественный образ, дом, преемственность поколений, дом-коммуна, антидом, сиротство.

THE IMAGE OF THE HOUSE IN V. P. ASTAFIEV "SATESI"

¹Mazurova N.A., ¹Bakhor T.A., ¹Zyryanova O.N.

¹*Lesosibirski Pedagogical Institute the agency of Siberian Federal University, Lesosibirsk, Russia (662544, Krasnoyarski krai, Lesosibirsk, street Pobedi 42), e-mail: nadezhda.mazurova.59@mail.ru*

The article describes various aspects of image of the house embodied in the book by V. P. Astafiev, which correspond writer with such categories as family, genus, continuity, tradition. Problems of preservation of the house are considered in the context of the relationship between man and nature, children and parents. In "Satesi" the image of antihouse, indicates the author's deep concern for the future of Russia. V. P. Astafiev shows how the utopian ideas of communal housing discredited in the late twentieth century has degenerated into the house-hostel, home-Barak, "temporary housing". In the destruction of the building beginning in the early twentieth century V. P. Astafiev sees the causes of social and metaphysical orphanhood: the house has ceased to perform its main function - to protect people from external terrible, chaotic world, reinforcing the moral degradation of the person.

Keywords: V.P. Astafiev, the image - motiv, artistic image, the house, the succession of generations, a commune house, antihouse, orphanhood, entrepreneurs, merchants, economic performance, artistic image, the embodiment of an ideal, prototype, axiological principles.

Одним из важнейших в русской литературе XX века является концепт «дом». Как пишет И.В. Новожеева, «образ-концепт дома имеет аксиологическое значение: изначальное содержание личности, духовно-нравственное основание человека («главный дом человек в душе у себя строит») и сакральный образ мира в ценностных рамках земледельческой культуры, важнейшей характеристикой которого является неразрывное единство сознания и бытия героя с почвой (народной традицией и землей)» [3]. Известно, что «картина мира, созданная в художественном произведении, есть результат того, что художник воспринимает, чувствует и переживает мир по-своему и тем самым создает свой оригинальный и неповторимый образ мира, свое представление о мире» [9]. По мнению В.С. Непомнящего, центральным в картине мире является образ дома – «жилища, убежища, области покоя и воли, независимости, неприкосновенности. <...> Дом – традиция, преемственность, отечество, нация, народ, история. Дом, "родное пепелище" – основа

"самостоянья", человечности человека, "залог величия его", осмысленности и неодинокства существования. Понятие сакральное, онтологическое, величественное и спокойное; символ единого, целостного большого бытия» [2, с. 98]. Вся жизнь человека, все бытийные проблемы связаны с домом.

Образ-мотив дома в русской художественной литературе и культуре вызывает неподдельный интерес у исследователей. Работы В.Я. Лакшина, Е. Максимовой, В. Малахова, А. Разуваловой, Г.М. Шленской, посвященные исследованию образа-мотива дома в русской прозе первой половины XX века, свидетельствуют о глубоком погружении в суть рассматриваемой проблемы, определяют направление дальнейших поисков. Мощный импульс исследованиям данного вопроса задан работой Ю.М. Лотмана «Заметки о художественном пространстве». Анализируя роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита», ученый выделяет архетипическую основу мотива – противопоставление дома антидому.

Образ-мотив дома является одним из основных в творчестве В.П. Астафьева. Связано это, по-видимому, с многочисленными скитаниями писателя: ребенком писатель теряет мать, затем живет с бабушкой, дом которой становится родным. Потом живет с отцом и мачехой, затем поселяется в доме-интернате. После этого его жизнь связана со съемными квартирами, еще позднее с войной. У В. Астафьева было много разных домов, но родным домом всегда оставался дом в Овсянке.

Образ дома находит воплощение во многих произведениях писателя, однако именно «Затеси» стали своеобразным подведением итогов всего творчества, а образ дома предстает в книге в разных своих значениях.

В предисловии к книге В. Астафьев пишет: «Затесь – сама по себе вещь древняя и всем ведомая – это стёс, сделанный на дереве топором или другим каким острым предметом. Делали его первопроходцы и таежники для того, чтобы белеющая на стволе дерева мета была видна издалека, и ходили по тайге от меты к мете, часто здесь получалась тропа, затем и дорога, и где-то в конце ее возникало зимовье, заимка, затем село и город» [1, с. 3]. К этой же мысли писатель возвращается и в конце части: «Мета-пятнышко манило, притягивало, звало меня, как теплый огонек в зимней пустынной ночи зовет одинокого усталого путника к спасению и отдыху в теплом жилище» [1, с. 3].

Затесь, мета-пятнышко – тропа – зимовье, заимка, жилище. Эта последовательность отражает нерасторжимое единство дома и дороги, закономерности жизненного пути, связь понятий «затесь» и «дом», наконец, работу над книгой со строительством дома.

Все, о чем рассказывает В. Астафьев в книге, так или иначе сводится к размышлениям о доме и дороге.

В затеси «Родные березы» повествуется о поездке к южному морю на лечение. Рассказчик ощущает свою бездомность, неприкаянность среди южной красоты. Березки, повстречавшиеся ему среди южных пальм, напомнили о родной деревне, той малой Родине, без которой беспокойно на чужой земле: «Я глядел на эти березы и видел деревенскую улицу. Козырьки ворот, наличники окон в зеленой пене березового листа. Даже за ремешками картузов у парней – березовые ветки» [1, с. 14].

Родные березки ассоциируются с родными сердцу праздниками, традициями и приметами: «Скараулив девок с водою, парни бросали им в ведра свои ветки, а девушки старались не расплескать воду из ведер – счастье выплеснуть! ... В этот день – в Троицу – народ уходил за деревню с самоварами и гармошками. Праздновали наступление лета» [1, с. 14].

Березы являются не только воплощением родного и домашнего, но выступают в роли душевного лекарства: «В середине зеленого вороха сидела и вязала веники бабушка. ... Лицо у бабушки умиротворенное, она даже напевает что-то потихоньку, будто в березовой, чуть повядшей и оттого особенно духовитой листве утонули и суровость ее, и тревожная озабоченность» [1, с. 14].

В затеси раскрывается еще один аспект образа дома: «Всю зиму гуляло по чердаку и сараю ветренное, пряное лето. Потому и любили мы, ребятишки, здесь играть. Воробьи слетались сюда по той же причине, забирались в веники на ночевку и не содомили» [1, с. 14]. Слово «не содомили» вводит в произведение библейский контекст, расширяя понятие «дом». «Умиротворенное» лицо бабушки, «несодомящие» воробьи выражают упорядоченность жизни, ощущение гармонии с миром.

В затеси «Домский собор» рассказывается о главном символе Риги – кафедральном соборе, куда привели рассказчика дороги войны. В дословном переводе название собора означает «дом Бога». Образ-мотив дома соединяется в этом произведении с образом-мотивом музыки. Троекратное повторение «Дом. Дом. Дом» означает и перекатывающиеся, рокошующие звуки органа, и собственно «дом». Известно, что образ-мотив музыки в творчестве писателя занимает важное место. В этом образе выражена мысль о том, что мир задуман и устроен правильно, в нем торжествует гармония и порядок. Главному герою повести «Последний поклон» Витьке Потылицыну музыка позволяет понять, что ничто не может поколебать космический порядок, что жизнь торжествует, несмотря ни на что. В затеси «Домский собор» тем местом, где человек под звуки органа может услышать себя, свое внутреннее «Я», является собор. Все, что пройдено – несчастья, тревоги, убийства, несправедливость, кровавая война – остаются позади, человек находится наедине с собой и всеобъемлющей красотой. Дом – это место, в котором не может быть места душевной смуте,

мелким страстям: «Дом. Дом. Дом... Благовест. Музыка. Мрак исчез. Возшло солнце. Все преображается вокруг... Есть мир и я, присмиривший от благоговения, готовый преклонить колени перед величием прекрасного» [1, с. 48].

Дом - рай, идеальный дом представлен в воспоминаниях либо о родном доме вдали от него, либо о месте, где гармонизированы внутреннее и внешнее пространство.

Семантику антидома раскрывает тема заброшенного, одинокого, пустого дома. В. Астафьев осмысляет гибель дома и ее последствия для жизни отдельной личности и всего народа.

В затеси «Как лечили богиню» дом представлен «панской усадьбой», в которой обосновались солдаты во время передышки между сражениями: «Нам было хорошо в этом парке, нам тут нравилось» [1, с. 48]. Сопоставляя усадьбу прежнюю и ту жизнь, которая когда-то протекала в ней, и усадьбу нынешнюю, с обезображенной статуей и лежащими в луже крови советским солдатом и седовласым польским гражданином, рассказчик размышляет о том, как хрупок мир, как просто ему не быть, как легко история вторгается в «дом-крепость», разрушая его, делая проницаемыми границы дома. Здесь В. Астафьев развивает традиции русской литературы в раскрытии тем «Дом и история», «Дом и война» (И. Бунин, А. Твардовский и др.).

Противопоставление «тогда» и «сейчас» обнаруживается во многих затесях книги В.П. Астафьева. Образ опустевшего дома представлен в миниатюре «Звезды и елочки». Писатель подробно описывает дом на Вологодчине: «Любили вологжане строиться капитально и красиво. Дома возводили с мезонинами, изукрашивали их резьбой – кружевами деревянными, крыльцо под терем делали. Труд такой кропотлив, требует времени, усердия и умения, и обычно хозяин дома заселялся с семьей в теплую, деловую, что ли, половину избы, где были прихожая, куть и русская печь, а горенку, мезонин и прочее уж отделявал неторопливо, с толком, чтобы было в «чистой» половине всегда празднично и светло» [1, с. 52]. Строительство дома традиционно являлось для русского человека действием священным. Он не просто сооружал крышу над головой, он строил дом-крепость, дом-убежище, дом-оберег. Кружевная деревянная резьба на наличниках окон, в которой использовались знаки Макоши, Перуна, Велеса, Сварога и др., делала дом не только красивым, но и служила оберегом, охраняя жизнь и добро его владельцев.

Также подробно В.П. Астафьев рассказывает о старинных и современных вологодских обычаях, связанных с домом: обычай обряжать лентами дом суженого или прибывать красную звезду на дом фронтовика.

Мысль писателя публицистически открыта: не может быть дом полным без хорошего хозяина. Заброшенный, полуразрушенный дом с выцветшими, обмахрившимися ленточками

и проржавевшими звездами является знаком большой беды. Не только война осиротила деревенские дома. Утрата традиций, потеря внутренней связи с отеческим домом являются источником неустроенности жизни, душевного покоя.

В некоторых случаях образ-мотив дома метонимически замещен образом-мотивом окна. Мотив окна – один из распространенных в художественной литературе и культуре. Основная функция окна - служить границей между домашним защищающим пространством и пространством внешним, враждебным, опасным. В затеси «Окно» рассказчик наблюдает за светящимся окном извне дома, из проезжающей машины. Это окно вызывает в нем чувство тревоги: «...что там, за этим светящимся окном? Кого и что встревожило, подняло с постели? Кто родился? Кто умер? Может, больно кому? Может, радостно? Может, любит человек человека? Может, бьет?» [1, с. 57]. В отличие от М. Цветаевой (Вот опять окно,/Где опять не спят./Может, пьют вино,/Может, так сидят), у которой сама ситуация имеет умозрительный характер, В. Астафьев связывает ее с проблемой природы и цивилизации. Рассуждая в духе А. Блока, В. Брюсова, С. Есенина о городе («Подъезжаешь рано утром к большому городу, входишь в этот сделавшийся привычным, но все же веющий холодом и отчужденностью каменный коридор – и ощущение такое, словно медленно-медленно утопаешь ты в глухом, бездонном колодце. Равнодушно и недвижно стоят современные жилища с плоскими крышами, с темными квадратами окон, безликими громадами сплываясь в отдалении» [1, с. 57]), писатель противопоставляет город природе («...лошади на лугу, желтые валы сена среди зеленых строчек прокосов, береза в поле, босой мальчишка, бултыхающийся в речке, жатка, вразмашку плывущая в пшенице, малина по опушкам, рыжики по соснякам, салазки, мчащиеся с горы, школы с теплым дымом над трубой, лешие за горой, домовые за печкой... » [1, с. 57]). Одинокое светящееся в ночи окно – признак глухого, неизбежного экзистенциального одиночества («...томит голову сознание, что и ты вот так заболеешь, помирать станешь и позвать некого - никого и ничего кругом, бездушно кругом» [1, с. 57]). Разобщенность со всем миром, одиночество среди людей – это «болезнь» цивилизации. Излечить эту «болезнь» можно только сочувствием и состраданием. Тот неизвестный, который зажег лампочку, уже не одинок, когда к нему обращается рассказчик: «Успокойся и ты. Все вокруг спят и ни о чем не думают. Спи и ты. Погаси свет» [1, с. 57].

С проблемой природы и цивилизации связаны у В. Астафьева образы дома - Родины, дома - Земли.

Изображая первозданную природу, писатель, подобно художнику-пейзажисту, выписывает каждую деталь, не жалея красок: «И красиво же здесь было, на Бетехтинско-Шахматовском-то улусе! Особенно приглядно делалось на исходе лета, когда *желтые хлеба*, как бы выпроставшись из-под *зеленого покрывала леса*, отделившись от окошенных

покосов, уйдя от *сочно-цветущих ложбин*, горели, *переливались золотом* под высоким небом, и звон колосьев был так нежен, что, казалось, они играли на солнечных лучах, будто на тонко натянутых струнах» [1, с. 117].

Рассказчик в лесу, как хозяйка в родном доме, знает каждую тропинку: «Прежде на Усть-Ману из Овсянки были две дороги: одна, от деревенского кладбища занявшись, пролегла через Фокинскую речку и затем взнималась в долгий подъем в гору <...> вторая уходила по-за деревню, в верхнем ее конце, почти на займище петляла в крутую каменистую гору, заслоненную тайгой, от того места, где нынче располагается деревообрабатывающий заводик <...>. Обе нелюдные, травой-муравой, гусятником и другой придорожной неприхотливой травкой заросшие дороги соединялись возле Королева лога и далее - по змеиному распадку, по тому самому, где нынче никто не ездит, спускались к Усть-Манским пашням и заимкам» [1, с. 117].

Человек селился не только там, где красиво. Красота у писателя неотделима от пользы. Продолжая тему «Царь-рыбы», В. Астафьев утверждает: нельзя только брать, надо сберегать то, что даровано Богом.

Рассказывая о том, во что люди превратили землю, писатель становится публицистом: «...чем дальше вглубь, тем неряшливей, грязней наша белая Русь. Паршой и ржавчиной она покрыта, гибнущим лесом завалена, прокислой, гнилой водой рукотворных морей залита» [1, с. 118].

Вопрос без ответа, заданный В. Астафьевым в конце «Ужасной дыры», гласит: «Э-эх, Россия - мати, тех ли ты Божиих чад ждала и селила на своих просторах, в своем доме? Иль тебе, больной, израненной, истерзанной – уж все равно?» [1, с. 118].

О пренебрежении традициями В. Астафьев пишет в затеси «Хреновина». Позволим себе привести описание дома: «В заглохшей избе, кинутой как будто при пожаре или при отступлении в войну, где святые угодники смотрят с полуоблезших икон да часы-ходики, упершись ржавой гирей в пол, свидетельствуют о том, что время здесь остановилось, витает чувство тяжелого, вязкого сна. Нет даже страха, а лишь тупая покорность неумолимому ходу жизни. Веками скопленная крестьянская рухлядь скомкана, разбита, развалена. <...> А в одной старой избе плакат военных лет с вырванным лоскутом бумаги, но так он памятен, что и без букв оторванных читается кричащий взгляд русской женщины. «Родину-мать спаси!» [1, с. 118].

В многочисленных деталях этого описания заключена вся жизнь крестьянина. Коврики с рукодельными кисточками, веретешки, коклюшки для плетения кружев свидетельствуют о заботе хозяйки дома о его уюте и красоте, сапожные седухи, своедельные коньки – это принадлежность хозяина, игрушечные салазки, смастеренные руками детей,

говорят о том, что в доме заботились о развитии традиций, учили детей мастерству, даже *упрямо* рыжеющие отметки и *сердитые* исправления в тетрадах показывают, сколь равнодушны были и учителя, и родители к обучению детей. И над всем этим известный плакат «Родину-мать спаси», и как свидетельство войны, катком прошедшей по деревне, и как призыв к спасению, но не от иноземного захватчика, от самих себя, забывших о небесной каре: «Кому хрена? Кому Бога? Пр-р-р-родаю-у! Чуть не даром отдаю! - осклабясь, орет современный хам и матерщинник, выставивший на продажу икону Богородицы, орет вчерашний деревенский житель, не так давно еще пуще смерти боявшийся небесного грома и Божьей кары. Все дикое сделалось привычным, все привычное – диким» [1, с. 118].

Вариантом антидома является у В. Астафьева дом-барак. Барак, общежитие – временные жилища. Жизнь в бараке накладывает свой отпечаток на личность героя затеси «Герань на снегу». Беспощадный, жестокий барак, создающий ощущение безысходности и пустоты, представлен в миниатюре «Две подружки в хлебах заблудились». В затеси «Временное жилище» рассказчик рассуждает о том, что по прошествии многих веков человечество так и не научилось строить себе крепкое жилище с надежными стенами, способными выстоять перед любой бурей.

Бытовая неустроенность, отсутствие надежного дома ведут к душевному разброду, разрушению преемственных связей, нравственной дезориентации. Создавая «Затеси» во второй половине XX века, В. Астафьев размышляет о таких категориях, как семья, род, преемственность, традиция. Начавшееся еще в начале XX века разрушение дома к концу века привело к бездомью, социальному и метафизическому сиротству. Дом перестал выполнять свою главную функцию – защищать человека от внешнего страшного, хаотичного мира. Страшная картина разрушенного дома в рассказе «Хреновина» свидетельствует о степени нравственной деградации мира. Утопические идеи дома-коммуны дискредитировали себя и в конце XX века выродились в дом-общежитие, дом-барак, «временное жилище». В «Затесях» преобладает образ антидома, что свидетельствует о глубокой тревоге автора за судьбу народа.

Список литературы

1. Астафьев В.П. Затеси. – Красноярск, 2004.
2. Лакшин В.Я. О Доме и Бездомье (А. Блок и М. Булгаков) // Литература в школе. – 1993. – № 3. – С. 18-22.
3. Лотман Ю.М. Избранные статьи. В 3 т. – Таллин : Александра, 1992, 1993.

4. Максимова Е. Символика «дома» и «антидома» // Аврора. – 1994. – № 9/10. – С. 70-75.
5. Малахов В. Гавань у поворота времен: онтология дома в «Белой гвардии» М. Булгакова // Вопросы литературы. – 2000. – Вып. 4. – С. 326–336.
6. Непомнящий В.С. Поэзия и судьба. – М. : Сов. писатель, 1987. – 390 с.
7. Новожеева И.В. Концепция человека в деревенской прозе 1960-80 гг. - URL: [http://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/10\(31\)/novozheeva_10_31_99_102.pdf](http://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/10(31)/novozheeva_10_31_99_102.pdf) (дата обращения: 12.03.2015).
8. Разуvalова А.И. Образ дома в русской прозе 1920-х годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Красноярск, 2004. – URL: <http://www.dissercat.com/content/obraz-doma-v-russkoi-proze-1920-kh-godov> (дата обращения: 12.03.2015).
9. Суворова П.Е. Конструирование культурных миров и языковая картина мира // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 78. – С. 143–154.

Рецензенты:

Суворова П.Е., д.фил.н., профессор кафедры «Философия и культурология» Поволжского государственного университета сервиса, г. Тольятти;

Шарифуллин Б.Я., д.фил.н., профессор, зав. лабораторией речевой коммуникации Лесосибирского педагогического института – филиала Сибирского федерального университета, г. Лесосибирск.